

ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ

И. Ю. ВАЩЕВА

ИОАНН ЭФЕССКИЙ

В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Иоанн Эфесский (506–585/589) обычно упоминается как один из лидеров монофизитского движения и известный агиограф VI в. Перу эфесского епископа принадлежит «Церковная история», и некоторые исследователи называют его «первым сирийским церковным историком»¹. «Церковная история» впервые была издана на языке оригинала (сирийском) в 1853 г.² Позднее сохранившиеся части «Истории» издавались несколько раз и были переведены на основные европейские языки³. Первую попытку реконструировать биографию писателя на основании тех небольших оговорок, которые делает Иоанн в «Церковной истории», а также упоминаний о нем в сочинениях позднейших авторов, предпринял А. Дьяконов⁴, но его

¹ *Land J.* Joannis Bishof von Ephesos, der Erste syriche Kirchenhistoriker. Leiden, 1856.

² *Cureton W.* The Third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford, 1853.

³ *Payne-Smith R.* The Third part of the ecclesiastical history of John bishop of Ephesus. Oxford, 1860. Joannis episcopi Ephesi scripta historica // *Land J.* Anecdota Syriaca. T. 2. Lugduni Batavorum, 1868. *Dowen, Land J.* Commentarii de beatis orientalibus et historiae ecclesiasticae fragmenta. Amsterdam, 1889. *Payne Margoliouth, J.* Extracts from the Ecclesiastical history of John Bishop of Ephesus (with grammatical, historical and geographical notes in English and German) // Semitic Study Series, 13. Leiden, 1909. *Brooks E. W., Hespel R.* Iohannis Ephesini Historiae Ecclesiasticae Fragmenta quae e prima et secunda part supersunt, (Incerti auctores) Chronicon Pseudo-Dionysianum vulgo dictum / Ed. J. B. Chabot, R. Hespel // CSCO, 104, 105. Louvain, 1933. P. 401-420, 323-330. *Brooks E. W.* John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints // PO, 17-19. P., 1923–1925. *Иоанн Эфесский.* Церковная история // *Пигулевская Н. В.* Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.

⁴ *Дьяконов А.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; *Он же.* Иоанн Эфесский и хроника, известная под именем Дионисия Телль-Махрского // Христианское Чтение. 1903. Т. II. С. 519-614, 818-835; *Он же.* Иоанн Эфесский, сирийский церковный историк VI века // Христианское чтение. 1909. Т. ССXXXI, часть 1. С. 1015; *Он же.* Известия Иоанна

написанные на русском языке работы не получили широкой известности на Западе. В российской же историографии после 1917 г. темы, связанные с историей церкви, выпали из списка актуальных.

В западной науке XX в. изучение наследия Иоанна Эфесского отмечено разными тенденциями. Довольно широкое распространение получил традиционный фактографический подход, согласно которому «История» используется только как источник фактической информации о религиозной и политической ситуации в Сирии и о положении монофизитской церкви в Византийской империи VI в.⁵

Другой подход уделяет основное внимание филологическому или источниковедческому анализу с целью выявления источников, которыми пользовался Иоанн Эфесский, и последующих авторов, использовавших его работу, а также реконструкции несохранившихся частей текста «Истории» по эксцерптам у позднейших авторов.

Практически ни одна общая работа по истории сирийской и византийской литературы не обходится без упоминания имени Иоанна и его трудов⁶, но за последние сто лет появилось всего два научных исследования, специально посвященных Иоанну Эфесскому.

Первая монография рассматривает агиографическое сочинение Иоанна — «Жизнь восточных святых», сборник, состоящий из 58 рассказов об аскетах-монофизитах из Сирии и Месопотамии, со

Эфесского и сирийских хроник о славянах V–VII вв. // ВДИ. 1946. № 1. С. 20–34.

⁵ В этом отношении «История» уникальна, поскольку дает описание событий с точки зрения религиозной оппозиции. В греческой традиции взгляд на церковные и политические события этого времени с позиций монофизитской партии (достаточно многочисленной и влиятельной части византийского общества) был представлен лишь в произведениях Кира Батнского, Псевдо-Захарии Митиленского и Иоанна Эфесского, причем наибольшей информативностью отличается именно «История» Иоанна.

⁶ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. Munich, 1897; *La storiografia ecclesiastica nella tarda anticità.* Messina, 1980; *Yosef, Ephres-Isa.* Les chroniqueurs syriaques. P., 2002; *Brock S.* Studies in Syriac Christianity: history, literature and theology. Aldershot, 1992; *Idem.* From Ephrem to Romanos: interactions between Syriac and Greek in Late Antiquity. Aldershot, 1999; *Wright W.* History of Syrian Literature. L., 1892; *Mac-Lean A.* Short History of Syriac Literature. L., 1894; *Duval R.* La literature syriaque. P., 1900; *O'Leary de L.E.* The Syriac Church and Fathers. L., 1909. *Syrisches Christentum weltweit: Studien zur syrischen Kirchengeschichte.* Munster, 1995. *Zu geschichte, Theologie, Liturgie und gegenwartslage der syrischen Kirchen.* Munster, 2000.

многими из которых Иоанн был лично знаком⁷ — и на этом материале анализирует роль монашества и аскетизма в византийском обществе⁸. В целом же, это исследование отражает общую тенденцию использовать историческое сочинение, прежде всего, как источник *фактической* информации по интересующей автора проблеме. Вторая монография⁹, носит более комплексный характер и впервые, пожалуй, за всю историю изучения литературного наследия Иоанна Эфесского, подробно останавливается на особенностях его «Церковной истории». Однако, в соответствии с утвердившейся традицией, большую часть работы голландского исследователя занимает беглый обзор церковной историографии поздней античности, биография Иоанна Эфесского и детальная внешняя характеристика его «Церковной истории». Во второй части исследования речь идет о религиозных взглядах Иоанна, его отношении к власти и роли в истории монофизитской церкви. И только последние страницы работы посвящены собственно анализу особенностей мировосприятия церковного историка VI в., его представлений о времени, судьбах империи, общем ходе истории и роли в ней человека.

К недостаткам «Церковной истории» часто относят то обстоятельство, что, несмотря на название, многие ее рассказы не имеют прямого отношения к истории церкви, и что догматическая сторона в ней развита весьма слабо¹⁰, и в то же время довольно много места отводится политическим событиям. В этом исследователи видят тенденциозность и политическую ангажированность автора. Отмечают также довольно сложный для восприятия стиль и далекий от изящества язык автора, обилие грецизмов, многообразных отступлений от главной темы, назидательный характер и другие особенности, затрудняющие восприятие фактической информации. Еще одним недостатком, отмечаемым исследователями, является непоследовательность автора: в одном месте он выступает как решительный противник язычества, не только на словах, но и на деле принимав-

⁷ Late Antiquity. A Guide to the postclassical world / Ed. G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 1999. P. 526-527.

⁸ Harvey S. A. Ascetism and Society in Crisis: John of Ephesus and the Lives of the Eastern Saints. Berkeley, 1990.

⁹ Ginkel J. van. John of Ephesus: a monophysite historian in six-century Byzantium. Groningen, 1995.

¹⁰ Дьяконов А. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. С. 328.

ший непосредственное участие в устранении идолов, с другой стороны, он сам тут же обнаруживает прекрасное знание античной литературы, философии и историографии. «Непоследовательность» проявляется и в подходах к написанию исторического труда. Автор много рассуждает о правдивости и необходимости сообщать всю правду, пытается даже указывать источники информации, но до конца выдержать эту линию ему не удастся. Видимо, учитывая эти «недостатки», «История» часто оценивается как сочинение весьма низкого качества и потому не заслуживающее большого внимания.

На взгляд исследователя, «Церковная история», действительно, представляет собой довольно странное произведение, прежде всего в литературном отношении, однако в ту эпоху оно воспринималось иначе. Обилие списков и манускриптов¹¹ говорит о популярности этого сочинения в Средние века. И сами «недостатки», очевидно, являлись не следствием неграмотности или недобросовестности автора, а скорее отражают специфику мироощущения той эпохи. Однако концептуальные особенности сочинения так и не стали объектом изучения. Мировоззрение автора (не столько его политические или конфессиональные симпатии и пристрастия, сколько в целом восприятие мира, истории, судеб человечества), а также его отношение к подбору материала, принципы историописания и т.д. и по сей день остаются практически неизученными.

Подобное невнимание исследователей к «Истории» Иоанна Эфесского во многом объясняется объективными трудностями, связанными с сохранностью источника. Первая часть «Церковной истории», охватывающая период от Юлия Цезаря до смерти императора Феодосия II, и вторая часть, доведенная до начала правления Юстина II, дошли до нас лишь во фрагментах, сохранившихся в работах более поздних авторов — Псевдо-Дионисия Телль-Махрского и Ми-

¹¹ Самая полная рукопись датируется концом VII в. и хранится в Британской библиотеке (BL Add 14640). Описание см.: *Brooks E. W., Hespel R. Iohannis Ephesini Historiae Ecclesiasticae Fragmenta...* P. i-iv. Wright. *Catalogue of Syriac Manuscripts in the British museum acquired since the year 1838. Vol. I-III. L., 1870–1872. n. 920.* Вторая по значимости рукопись хранится в Библиотеке Ватикана: *Bibl. Vat. Syr. 145 (Vatican Library).* Описание рукописи см.: *Assemanus. Bibliothecae apost. Vaticanae codd. Mss. Catalogus. Rome, 1759.* О других рукописях подробнее см.: *Joannis episcopi Ephesi Monophysitae Scripta Historica quotquot adhuc inedita supererant. Syriac edidit J.P.N. Land. T. II. Lugduni Batavorum, 1868.*

хаила Сирийца. Третья часть «Истории» сохранилась значительно лучше, однако и она дает довольно беспорядочное, путанное и подчас повторяющееся описание гонений, расколов внутри монофизитской церкви, а также естественных бедствий, постигших Византию, и военных действий преимущественно на восточных границах.

Исследовать исторические представления Иоанна, воплотившиеся в его «Церковной истории», по сохранившимся фрагментам очень сложно. Более или менее пространные ремарки, которые могут быть уверенно приписаны автору, и по которым можно исследовать его образ мысли, представления о времени и истории, стиль и язык, цели написания труда, относятся только к последней, сохранившейся третьей части «Истории». Более того, представления об истории в целом, о цели и движущих факторах этого процесса обычно приводятся античными и средневековыми историками в прооёмии, некоем теоретическом введении к работе, и далее в некоторых авторских отступлениях. Однако большая часть таких высказываний сохранилась лишь в экцерптах у позднейших авторов. Таким образом, мы можем выявить лишь отдельные элементы исторических представлений Иоанна и попытаться реконструировать его историческую концепцию, в значительной степени, гипотетически.

Но и на этом пути сразу же сталкиваемся с рядом проблем. Точное название сочинения неизвестно; заголовок, данный ему автором, не сохранился. Названия отдельных частей и глав не дают однозначной картины¹². Наиболее развернутые указания могут быть найдены в названиях книг III части. Книги III и V имеют стандартное название «книга... (номер) III части Церковной истории, содержащая вкратце повествования о церкви и других событиях», но заголовок VI книги немного отличается: «книга 6 третьей части еkkлeзиастики, содержащая вкратце повествования о войнах». Содержание II книги, как и ее заключительная часть, упоминают «рассказы (очерки) по истории Церкви». Складывается впечатление, что «Ecclesiastica» (обычный рабочий термин для обозначения жанра церковной истории) использовался как сокращенное название, а развернутое объяснение того смысла, который вкладывал в него сам автор, содержат заключительные части подзаголовков.

¹² Ginkel J. van. John of Ephesus... С. 194.

Ян ван Гинкел склонен считать, что сам Иоанн не называл свое сочинение “Ecclesiastica”. Это название могло быть добавлено копиистами и затем закрепилось. Ни сам Иоанн, ни его современники не использовали этот термин применительно к «церковным историям», но позднее он получил очень широкое распространение. Иоанн, очевидно, предпочитал сирийский эквивалент греческому слову “ecclesiastica”. В названии и подзаголовках он обычно использует сирийский термин “ts’ut” (“рассказы”, “повествования”). Таким образом, для автора его «История» является не столько цельным, последовательным, логичным повествованием об истории Церкви, объединенным единым сюжетом и продуманной структурой, сколько сборником коротких рассказов на различные темы, которые вместе дают определенную картину состояния церкви и хода событий¹³. Такое понимание названия работы позволяет объяснить некоторую отрывочность в изложении, многочисленные повторы и возвращение автора к описанию одних сюжетов, и в то же время полное молчание по поводу других важных событий и доктринальных споров¹⁴. Как и многие другие авторы «церковных историй», Иоанн, очевидно, не ставил перед собой задачи дать точный, полный и детальный рассказ об истории христианской церкви своего времени. Он пишет свой труд «во славу Господа» (III, III, 9) и для того, чтобы объяснить своей аудитории общий смысл происходящего.

¹³ *Ginkel J. van. John of Ephesus... С. 196.*

¹⁴ Сам Иоанн, извиняясь перед читателями за нестройный и беспорядочный вид своей «Истории», писал: «Большая часть этих повествований была написана именно в то время, когда гонение продолжалось, и среди затруднений, причинявшихся гнетом последнего, оказалась даже необходимость, чтобы друзья убирали листы, на которых были написаны эти главы и все другие части сочинения и скрывали их в различных местах, где они иногда оставались по два или три года. Поэтому, когда встречались события, которые автор желал упомянуть, могло случиться, что он о них отчасти говорил прежде, но у него не было под руками бумаг или записок, по которым можно было прочитать или узнать, были ли они описаны или нет. Если, следовательно, он не помнил, что внес их в свою книгу, то возможно, что как-нибудь позднее он снова приступал к подробному их изложению, и поэтому случается, что об одном и том же рассказывается не в одной главе, а в нескольких, даже и после он не находил времени для того, чтобы гладко и ясно изложить их в стройном рассказе».

Какой смысл сам автор вкладывал в понятие “церковная история”, и почему придворные интриги и описание военных действий имеют для него такое большое значение? Очевидно, что автор не по рассеянности или неразборчивости включает эти сюжеты, но делает это вполне сознательно и намеренно. В современной историографии принято считать, что поздние церковные историки следуют в целом образцу Евсевия, хотя каждый из них в той или иной степени отклоняется от общей схемы¹⁵. Одним из самых важных изменений в структуре жанра считается нарастающее внимание к событиям светского характера. Если в сочинении Евсевия Кесарийского светские сюжеты занимают подчиненное место, то в сочинении Евагрия, например, доля информации, посвященной событиям политической или военной истории, значительно возрастает. По замечанию А. П. Дьяконова, «греческая церковная историография в стиле Евсевия Кесарийского прекратилась уже в начале VI века. В конце этого века одиноко стоит Евагрий, но “Церковная история” антиохийского схоластика... уделяет более внимания гражданским событиям, чем церковным (из 89 глав последних трех книг только 35 посвящены церковным событиям и 54 — гражданским)»¹⁶. Сами церковные историки, по мнению исследователей, также осознавали подобную девиацию. Если Сократ Схоластик в конце IV в. еще чувствовал необходимость объяснить такое отклонение от образца и защищаться от возможных обвинений и критики с помощью своей теории неразрывного единства церкви и государства, то последующие церковные историки, за исключением Феодорита Кирского, все больше включали светскую информацию в свои сочинения, а Евагрий в конце VI в. делает это без всяких комментариев. Данная тенденция имеет вполне логичное объяснение. С момента принятия христианства в течение IV–V вв. империя и христианство настолько тесно слились,

¹⁵ Ginkel J. van. John of Ephesus... С. 186; Chesnut Gl. F. The First Christian Histories. Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. P., 1977 (Theologie Historique, 46); Allen P. Evagrius Scholasticus, The Church Historian. Louvain, 1981; Gudecke M. Geschichte als Mythos. Eusebs “Kirchengeschichte”. Frankfurt-am-Main, 1987; Zimmermann H. Ecclesia als Object der Historiographie: Studien zur Kirchengeschichtsschreibung im Mittelalter und fruhen Neuziet. Wien, 1960.

¹⁶ Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский, сирийский церковный историк... С. 1018.

что уже в VI в. разделить и отдельно рассматривать светскую историю и историю христианской церкви стало практически невозможно. Власть патриархов, епископов и глав церковных общин так же распространяется на всех подданных империи, как и власть императора. В свою очередь императоры и их администрация оказывают огромное влияние на историю церкви и даже на исход богословских споров. Поэтому и в реальной жизни едва ли можно было отделить церковную историю от истории империи в целом.

Однако сочинение Иоанна Эфесского ломает данную картину, поскольку даже в конце VI в., спустя сто лет после Сократа, Иоанн, как и его далекие предшественники, чувствовал необходимость объяснить такое “странное” отклонение в сторону светской истории (III, III, 9, а также III, 5, 14) важностью этих событий для понимания истории церкви. Больше всего вопросов в этом отношении вызывает *«шестая книга третьей части экклезиастики, содержащая ...повествования о войнах»*. Автор, очевидно, сам понимает необходимость отметить специфику содержания этой необычной книги. В первой же ее главе Иоанн говорит о том, что на первый взгляд содержание этой книги не относится к церковной истории. И далее он дает довольно длинное объяснение такому отступлению от традиции. Поскольку Христос говорил, что войны будут явным свидетельством конца мира и близкого Второго Пришествия, то он считал необходимым включить в свою «Церковную историю» эти повествования о войнах и различных бедствиях (III, VI, 1).

Очевидно, что включение рассказов о социальных конфликтах, войнах и природных катаклизмах имело смысл именно в рамках *Церковной истории*. Эти примеры должны были убедить читателя в том, что Конец Света и Второе Пришествие приближаются, как знаки того, что древние пророчества уже сбываются. Более того, как кажется, главным предметом «Истории» Иоанна Эфесского была история христианской церкви в широком смысле, т.е. история “православного”, “истинного” (в его понимании — монофизитского) учения и Христианской империи, в которой император является естественным защитником и покровителем всех христиан, не только в границах империи, но и во всем мире. С этой точки зрения, события светской истории, особенно связанные с позицией императора, становятся не только возможным, но и необходимым элементом «Цер-

ковной истории». Именно Христианская империя, как единственное воплощение мирового величия христианства, становится центром его истории, вокруг которого вращаются все события. Судьба церкви неразрывно связана с политикой императора и зависит от нее в значительно большей степени, чем от позиции того или иного епископа. Иоанн выстраивает свое произведение по годам правления императоров, не внося при этом ничего нового в жанр «церковной истории» и не отступая от общей традиции. Императорский принцип обеспечивает последовательность и связность изложения, придает «Истории» стройность и некую универсальность. Таким образом, «История» Иоанна представляет собой скорее не отклонение от образца, данного Евсевием, а его продолжение и раскрытие.

Сочинение Иоанна во многом демонстрирует близость к образцу и в концептуальном отношении. Прежде всего, он в значительной степени разделяет заложенную Евсевием идею универсальной истории. Географические рамки его работы не очень широки, и основное внимание он уделяет преимущественно восточным провинциям империи, событиям в Сирии и в Константинополе, но он включает в свое повествование рассказы о различных народах и племенах за пределами Империи, и Христианский император в его системе представлений является защитником всех христиан, независимо от того, являются ли они подданными империи или живут за ее пределами (III, VI, 11; III, III, 25 и т. д.). Следуя примеру Евсевия и других церковных историков, Иоанн старается рассказать о Всемирной христианской империи. Вместо идеи римской, эллинской или иудейской исключительности он пытается показать величие и мировое значение христианства.

Как Евсевий и другие церковные историки, он разделяет людей не на эллинов, варваров, римлян и иудеев, а на христиан и нехристиан, к которым он относит язычников, еретиков, отступников. Следуя принципу, важному для греческих церковных историков, он делит людей не по территориальному или этническому принципу, а в соответствии с их религиозной принадлежностью. Христианские писатели и идеологи всегда строго разделяли общество на две части — христиан и их врагов (язычников, иудеев, еретиков), чтобы в противопоставлении с ними четче обозначить свою принадлежность к общине истинно верующих. Эта дихотомия очень важна и для Иоанна Эфесского. Таким же способом он определяет ту религиозную груп-

пу, к которой сам принадлежал, и четко отделяет ее от тех, кто не попадает под это определение. Специфику сочинению Иоанна придает то, что сам он принадлежал не к официальной церкви, а к монофизитам, но именно эту религиозную группу он считает носителем истинной веры. Поскольку каждая группа внутри христианской церкви воспринимала себя как единственную общину, сохраняющую истинное учение и веру в окружении еретиков, то каждая группа хотела представить свою историю как историю истинной церкви. Жанр “церковной истории” давал возможность показать существующую ситуацию в исторической перспективе и предъявить притязания этой *истинной* церкви в полемической форме, независимо от того, пользовалось ли это учение поддержкой со стороны государства. Иоанн Эфесский представляет монофизитское учение как правильное, православное. И хотя император не разделяет религиозных представлений монофизитов, Иоанн и не помышляет об отделении от Империи и имперской церкви. Он воспринимает такое “неправославие” императора как личное его заблуждение, но в свое время истинная (монофизитская) церковь восторжествует. Для него христианство и империя неразделимы, и он не представляет себе торжества монофизитской церкви за пределами христианской империи.

Следуя примеру предшественников, Иоанн вставляет в свое повествование перечни епископов и держателей самых влиятельных епископских кафедр, даже если они не были монофизитами. При этом он добавляет список сосланных монофизитских епископов, но не замещает перечень официальных лиц — халкидонитов. Образ христианства, сохраняющего *преемственность и идентичность* на протяжении веков через непрерывную цепь последовательно сменяющих друг друга духовных лидеров — от апостолов и первых христиан до современных пастырей, а соответственно — как древнего и истинного учения, очень ярко проявляется в «Истории». С другой стороны, эта черта связана с еще одной проблемой — пониманием прогресса и развития в системе исторических представлений ее автора. Многие исследователи склонны считать, что мировоззрение церковных историков исключает развитие и прогресс в понимании истории, что они вообще не воспринимают историю как процесс, движение, но как постоянное повторение: из века в век происходит одно и то же — периодические нападки и гонения заставляют мно-

гих отступать от верного пути и становиться на путь ереси¹⁷. Однако «Церковная история» Иоанна, как и другие аналогичные сочинения, имеют вполне конкретную цель, к которой должна прийти человеческая история — Конец Света и Второе Пришествие. С его точки зрения, история человечества, погрязшего в грехах, уже близка к своему завершению. Таким образом, его «История», хотя и не дает оптимистической картины восхождения человечества к вершинам своего развития, но имеет четкую направленность и признает движение. Общая схема Иоанна Эфесского во многом напоминает пессимистическую модель Августина Блаженного. Для него очевидно падение человечества, его отклонение от чистоты первоначального христианства, а многочисленные войны и природные катаклизмы являются явными признаками приближающегося Конец Света.

В III части «Церковной истории» Иоанна тема Конец Света становится одной из доминирующих. Гонения на монофизитов и военные неудачи Византии трактуются как несомненные признаки близкого Конец (III, I, 3; III, VI, 1 и т. д.). Иоанн пишет «для сведения тем, которые будут жить после нас, если будет еще существовать мир» (VI, 1) в качестве напоминания и наставления потомкам. Желая объяснить, почему он включил рассказ о военных действиях и политической истории Византии в свой труд, он вновь обращается к теме Конец Света. «Нам не показалось неподходящим или ненужным присоединить к церковным историям краткие воспоминания о войнах, бедствиях, опустошениях и кровопролитиях, которые были в наши дни... Мы опишем и сообщим, насколько сможем и как понимаем, и то, о чем мы слышали. Вспомним также слова и поученья, полные жизни нашего Спасителя, которые поучают нас, убеждают и свидетельствуют о последней кончине мира и о времени его пришествия, гласящие: “Смотрите, когда все это случится, знайте, что пришествие при дверях”. Вот мы видим, что в наши дни все это случилось и исполнилось. Ныне справедливо ожидать страшного пришествия с великой силой и многой славой» (III, VI, 1). Он обращается к этой теме не только во вводной части, но и при описании конкретных событий. Например, описывая первые контакты византийцев с турками в Центральной Азии, он вспоминает распространенную в те времена тюркскую легенду,

¹⁷ *Ginkel J. van. John of Ephesus... С. 197-198.*

согласно которой конец света наступит, и все империи падут, и люди истребят друг друга в войнах, когда на их территории появится посланник из Римской империи (III, VI, 23).

В то же время, хотя Иоанн и обращается довольно часто к теме Конца Света, его история в целом не выдержана в строго апокалиптических рамках. Он приводит библейские цитаты для того, чтобы ярче проиллюстрировать значение и ужас происходящего и убедить читательскую аудиторию в том, что конечный триумф истинной церкви уже близок. История в его изображении предстает как описание долгого и очень трудного пути к Страшному Суду и конечному Спасению. У него нет характерного для работ такого рода деления истории на “эпохи”, или на шесть возрастов, как у Августина Блаженного, или на довольно распространенные в христианских сочинениях “четыре империи Даниила”. Нет у него и намека на хронологические расчеты, связанные с ожиданием Конца Света.

Его отношение к хронологическим расчетам в целом также составляет предмет споров. Иоанн Эфесский обычно использует относительные хронологические указания, датируя события одно относительно другого («через 5 лет после того», «вскоре после этого» и т.д.). Даты смерти или коронации того или иного императора, войн или внешних событий в третьей части чаще всего соотносятся с годами Селевкидской эры (III, II, 24; III, III, 5; III, III, 6; III, IV, 35; III, V, 13; III, VI, 5; III, VI, 10 и т.д.). Многие события датируются по годам правления императоров. В сохранившихся фрагментах II части «Истории» присутствуют разные хронологические системы: рядом с датировками по Селевкидской эре — указания на годы Антиохийской эры, индикты, годы императорских и епископских правлений. Однако считается, что эти датировки преимущественно заимствованы Иоанном из его источников, зачастую просто скопированы вместе с текстом. Сами хронологические расчеты и точность датировок, как принято считать, не слишком его интересовали. Соответственно в тексте «Истории» встречаются многочисленные хронологические неточности и довольно неопределенные указания на время и продолжительность того или иного конкретного события. Иногда довольно трудно, руководствуясь указаниями автора, восстановить действительную хронологию событий. В то же время, «за редкими исключениями, большинство которых может быть объяснено ошиб-

ками переписчика, Иоанн указывает верные и иногда весьма подробные даты, с обозначением числа, месяца и дня недели»¹⁸.

В любом случае, хронология не является главной целью работы Иоанна Эфесского. И сам автор, и его читатели, очевидно, воспринимали данную «Церковную историю» не как хронику, а как сочинение, раскрывающее общий смысл истории и помогающее самоопределению монофизитской церкви. Поэтому хронологические неточности или неопределенность хронологических указаний не особенно смущали читательскую аудиторию. Иоанн не руководствовался простым желанием описать события определенного периода по годам, но разразившийся религиозный кризис и гонения заставили его продолжить «Историю» и объяснить смысл происходящего со своей точки зрения (т. е. с точки зрения монофизитов).

Понимание причинности Иоанном Эфесским также в целом продолжает традицию, заложенную Евсевием Кесарийским. Он объясняет большинство исторических событий и ход истории вообще божественным вмешательством и влиянием трансцендентных сил, таких как Дьявол и демоны. Описывая бедствия, обрушившиеся на Византийскую империю в его время, он постоянно использует выражения «гнев Божий» или «божественное наказание».

Таким образом, даже достаточно беглый взгляд позволяет предположить, что, несмотря на свое монофизитство и сирийский язык, на котором написан его труд, Иоанн Эфесский принадлежит той же ойкумене и той же интеллектуальной парадигме, что и Евсевий, Иероним, Сократ Схоластик, Кассиодор, Августин и другие писатели IV–VII вв. Основные идеи и манера написания заставляет включить его сочинение в круг церковных историй раннего средневековья. Основная направленность «Истории» Иоанна созвучна традициям греческого церковного историописания, хотя можно проследить параллели и с западными образцами (Лактанций, пессимизм Августина). В целом, при таком подходе Иоанн Эфесский предстает перед нами не столько как «восточный монах, монофизит, миссионер и приближенный византийских императоров»¹⁹, но как человек, включенный в единое культурно-историческое пространство христианской ойкумены IV–VII вв.

¹⁸ Дьяконов А. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. С. 352-353.

¹⁹ Там же. С. 325.